

Она поет, а публика плачет...

Японская певица Фумико Накавада пела свои родные песни в Рахмановском зале Московской консерватории. Концерт прошел в рамках фестиваля музыки "Мусасино".

"Мусасино" — это Академия музыки в Токио, высшая школа фортепианной игры и прекрасного пения (бельканто), из которой вышла целая плеяда японских пианистов и певцов. Возглавляет Академию "Мусасино" профессор Такуя Дзин, почетный доктор многих институтов, пианист, певец, педагог, методист, художественный руководитель музыкальных фестивалей, конкурсов, гала-концертов. Героиня этого очерка пришла к маэстро в этом году, чтобы совершенствовать свой вокальный стиль, прежде всего камерное пение. Такуя Дзин посчитал возможным представить певицу уже на нынешнем фестивале в Москве.

Фумико Накавада давно известна как одна из лучших исполнительниц японских народных песен. Она вкладывает в эти песни не только богатые возможности своего сопрано, но и жар души, немалые артистические способности. Отец ее был известным в Японии тенором. Инструментальная музыка, песни, оперные арии и дуэты звучали в семье постоянно. "Кажется, я научилась сначала петь, а потом уже говорить", — сказала мне певица.

Когда девочка чуть подросла, начались постоянные посещения оперы, а затем — пение в детском хоре, занятия хореографией, учеба в музыкальном колледже. В камерных концертах она много слушала итальянских и русских гастролеров с народными песнями. "Они производили на меня какое-то непостижимое впечатление, я словно заболела... В русских песнях, как и в японских — душа народа, его жизнь. Я поняла, что петь такие песни — это значит брать на себя большую не только художественную, но и гражданскую ответственность: перед своей страной, историей, национальным искусством..."

Да, в японских песнях, которые с таким мастерством (но кажется-то почти безыскусно) исполняет Фумико Накавада, отражены, как в певучих памятниках культуры, душа и характер народа, живущего на клочке земли, окруженной морем. В древней Японии стихи называли песнями ("ута"), поэт — певцом ("ута бито"). Вплоть до конца XX века не только историки литературы, но и все японцы-читатели рассматривают стихотворение как нечто ласкающее слух, как нечто звучащее, мелодичное... Любщееся, как песнь.

...Она поет. Звуковое богатство языка, удесятенное дивной акустикой Рахманиновского зала, является нам во всей своей полноте. Маленькая, скромная женщина в неброском туалете, который украшает лишь букетик цветов, поет... то о светлой печали, то о трагизме жизни... В самой мелодии — мольба к Богу о родных, ушедших на заработки, о том, чтобы они вернулись. А вот песня "Набу" (место в храме, где прихожане особенно истово молятся). Голос и обращенные к небу глаза певицы передают нам это молитвенное состояние. Конечно, поет она и о чистой любви, и о природе. Поет по-японски, но перевода не требуется: она поет сердцем. Волнует, бередит фантазию, очаровывает и этот капающий, как слезы, дождь, и луна, освещающая одинокий храм... лицо любимого, отраженное в колышущейся воде... сонные ветви кустарников, засыпающая сакура, шепчущиеся листья, облака... Все это оживает с помощью Богини Песнопенья. Магия человеческого голоса? Конечно. Но все это, слетая с уст певицы, обретает мудрость, одухотворенность, философичность. Она поет, а публика (надо сказать, довольно искушенная) плачет...

Светлана МАГИДСОН.

Рос. мюз. газетам — 1999 — № 11 — с. 9